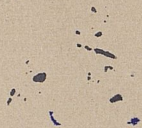

U $\frac{322}{291}$

СКАЗКА ПРО СЛАВНАГО ЦА
ГОРОХА И ЕГО ПРЕКРАСНЫХ
ДОЧЕРЕЙ ЦАРЕВНУ КЪ ТАЮ
И ЦАРЕВНУ
ГОРОШИНКУ

13

СКАЗКА ПРО СЛАВНАГО
ЦАРЯ ГОРОХА И ЕГО
ПРЯКРАСНЫХЪ ДОЧЕРЕЙ
ЦАРЕВНУ КХТАФЬЮ
И ЦАРЕВНУ ГОРОШИНКУ

СОЧИНИЛЪ Д.Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ
РИСОВАЛЪ Н.Д. БАРТРАМЪ
ИЗДАЛЪ Д.И. ТИХОМИРЪВЪ

Дозволено цензурою. Москва, 9 февраля 1904 года.

ТИПО-ЛИТ. Т-ва И. Н. КИШИНЕВЪ И К^о МОСКВА.

2007337288

коро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.
Сказываются сказки старикамъ да старушкамъ на
утѣшеніе, молодымъ людямъ на поученіе, а ма-
лымъ ребятамъ на послушаніе. Изъ сказки слова
не выкинешь, а что было, то и былъ емъ поросло. Только
бѣжалъ мимо косой заяцъ—послушалъ длиннымъ ухомъ,

СЛУШАЮЩЕ

летѣла мимо жарѣ-птица—посмотрѣла огненнымъ глазомъ... Шумитѣ, гудитѣ зеленый лѣсѣ, разстилается шелковымъ ковромъ трава-мурава съ лазоревыми цвѣтками, поднимаются къ небу каменные горы, лѣются съ горѣ быстрыя рѣки, бѣгутѣ по синю морю кораблики, а по темному лѣсу на добромъ конѣ ѣдетѣ могучѣ, русскій богатѣрь, ѣдетѣ путемъ-дорогою, чтобы добытъ разрывѣ-траву, которой открывається счастье богатѣрское. Пѣхалѣ, бѣхалѣ богатѣрь и добѣхалѣ до розстани, гдѣ сбѣжались три пути-дороженьки. По какой бѣхатѣ? Поперекѣ одной лежитѣ дубовая колода, на другой стоитѣ березовый пенѣ, а по третей ползетѣ маленькій червякѣ-свѣтлячокѣ. Нѣтъ дальше ходу богатѣрю.

— Чурѣ меня!—крикнулѣ онѣ на весь дремучій лѣсѣ.—Отвалисѣ отѣ меня нечистая сила...

Отѣ этого покрика богатѣрского съ хохотомъ вылетѣлѣ изѣ березоваго дупла свѣчѣ, дубовая колода превратиласѣ въ злую вѣдѣму и полетѣла за свѣчомѣ, засвистѣли надѣ богатѣрской головой черные вороны...

— Чурѣ меня!..

И вдругѣ все пропало, стинуло. Остался на дорогѣ одинѣ червячокѣ-свѣтлячокѣ, точно кто потерялѣ дорогой камень-самоцвѣтѣ.

— Ступай прямо!—крикнула изѣ болота лягушка.—Ступай, да только не оглядѣвайся, а то худо будетѣ...

Поѣхалъ богатѣрь прямо, а впереди поляна, а на полянѣ огненными цвѣтами цвѣтутъ папоротники. За поляной, какъ зеркало, блеститъ озеро, а въ озерѣ плаваютъ русалки съ зелеными волосами и смѣются надъ богатѣремъ дѣвичьимъ смѣхомъ.

— У насъ, богатѣрь, разрывъ-трава! У насъ твое счастье...

Задумался могучій богатѣрь—остановился добрый конь.

Впрочемъ, что же это я вамъ разсказываю, малые ребятки?—это только присказка, а сказка впереди.

I.

Ж

илъ-былъ, поживалъ славный царь
Горохъ въ своемъ славномъ царствѣ гороховомъ.
Пока былъ молодъ царь Горохъ, больше всего
онъ любилъ повеселиться. День и ночь веселился,
и всѣ другіе веселились съ нимъ.

— Ахъ, какой у насъ добрый царь Горохъ!—
говорили всѣ.

А славный царь Горохъ слушаетъ, бородку
поглаживаетъ, и еще ему дѣлается веселѣ. Лю-
билъ царь Горохъ, когда его всѣ хвалили.

Потомъ любилъ царь Горохъ повоевать съ
сосѣдними королями и другими славными царями.
Сидитъ, сидитъ, а потомъ и скажетъ:

— А не пойти ли намъ на царя Пантелея?
Что-то онъ, какъ будто, сталъ зазнаваться на ста-
рости лѣтъ... Надо его проучить.

Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и все были рады повоевать. И все народы тоже были рады войны. Может быть, и самих побьют, а все-таки рады. Счастливо воевал царь Горох и послал каждой войны привозил много всякого добра и золотой казны, и самоцветных камней, и шелковых тканей, и платников. Он ничем не брезговал и брал дань всем, что попадало под руку: мука—подавай сюда и муку: дома пригодится, корова—давай и корову, сапоги—давай и сапоги, масло—давай масло в кашу. Даже брал царь Горох дань львом и вьником. Все подданные очень его любили за этот обычай: чужая каша всегда слаще своей, и чужим вьником лучше париться.

— Спасибо, славный царь Горох!—кричали подданные, когда царь Горох катался по улицам своей столицы.—Мы за тобой, как тараканы за печкой, живем... Два спасибо тебе, славный царь Горох!

Все иностранные короли и славные цари завидовали удаче царя Гороха, а главное, его веселому характеру. Царь Пантелей, у которого борода была до колен, говорил прямо:

— Хорошо ему жить, славному царю Гороху, когда у него веселый характер. Я отдал бы половину своей бороды, если бы умел так веселиться.

Но все счастливых людей не бывает на свете. У каждого най-

дется какое-нибудь горе. Ни подданные, ни воеводы, ни бояре не знали, что у веселого царя Гороха тоже есть свое горе, да еще не одно, а целых два горя. Знала об этом только одна жена царя Гороха, славная царица Луковна, родная сестра царя Пантелея. Царь и царица от всех скрывали свое горе, чтобы народ не стал смеяться над ними. Первое горе заключалось в том, что у славного царя Гороха на правой руке было шесть пальцев. Он таким родился, и это скрывали с самого детства, так что славный царь Горох никогда не снимал с правой руки перчатки. Конечно, шестой палец — пустяки, можно жить и с шестью пальцами, а беда в том, что, благодаря этому шестому пальцу, царю Гороху всего было мало. Он сам признавался своей царице Луковне:

— Кажется, взял бы все на свете одному себе... Разве я виноват, что у меня так рука устроена?

— Что же, бери, пока дают, — утешала его царица Луковна. — Ты не виноват. А если даром не отдадут, то можно и силой отнять...

Царица Луковна во всем и всегда соглашалась с своим славным царем Горохом. Подданные тоже не спорили и вбили, что воюют для славы, отбирая чужую кашу и масло. Никто и не подозревал, что у славного царя Гороха шесть пальцев на руке, и что он из жадности готов был отнять даже бороду у царя Пантелея, тоже славного и храброго царя.

II.

Второе горе славнаго царя Гороха было, пожалуй, похуже перваго. Дѣло въ томъ, что первымъ у славнаго царя Гороха родился сынъ, славный и храбрый царевичъ Орликъ, потомъ родилась прекрасная царевна Кутафья неописанной красоты, а третей родилась маленькая, маленькая царевна Горошинка, такая маленькая, что жила въ коробочкѣ, въ которой раньше славная царица Луковна прятала свои сережки. Маленькой царевнѣ Горошинкѣ рѣшительно никто не видалъ, кромѣ отца съ матерью.

— Что мы съ ней будемъ дѣлать, царица?—спрашивалъ въ ужасѣ славный царь Горохъ.—Всѣ люди родятся, какъ люди, а наша дочъ съ горошинку...

— Что же дѣлать—пусть живетъ...—печально отвѣчала царица.

Даже царевичъ Орликъ и прекрасная царевна Кутафья не знали, что у нихъ есть сестра Горошинка. А матъ любила свою Горошинку больше, чѣмъ другихъ дѣтей: тѣхъ и другіе любятъ, а эта мила только отцу съ матерью.

Царевна Горошинка выросла ростомъ въ горошинку и была такъ же весела, какъ отецъ. Ее трудно было удержать въ коробочкѣ. Царевнѣ хотѣлось и побѣгать, и поиграть, и пошалить, какъ другія дѣти. Царица Луковна запиралась въ своей комнатѣ, садилась къ столу и открывала коробочку. Царевна Горошинка вѣскакивала и начинала веселиться. Столъ ей казался дѣловымъ полемъ, по которому она бѣгала, какъ другія дѣти бѣгаютъ по настоящему полю. Матъ протянетъ руку,

и царевна Горошинка едва вскарабкается на нее. Она любила вездѣ прятаться, и матѣ, бывало, едва ее найдетѣ, а сама боится пошевелиться, чтобы, грѣшнымѣ дѣломѣ, не раздавить родного дѣтища. Приходилѣ и славный царѣ Горохѣ полюбоваться на свою царевну Горошинку, и она пряталась у него въ бородѣ, какѣ въ лѣсу.

— Ахѣ, какая она смѣшная!..—удивлялся царѣ Горохѣ, качая головой.

Маленькая царевна Горошинка тоже удивлялась. Какое все большое кругомѣ—и отецѣ съ матерью, и комнаты, и мебель! Разѣ она забралась на окно и чуть не умерла отѣ страха, когда увидала бѣжавшую по улицѣ собаку. Царевна жалобно запищала и спряталась въ наперстокѣ, такѣ что царѣ Горохѣ едва ее нашелѣ.

Всего хуже было то, что, какѣ царевна Горошинка стала подрастатѣ—ей хотѣлось все видѣтѣ и все знатѣ. И то покажи ей, и другое, и третье... Пока была маленькой, такѣ любила игратѣ съ мухами и тараканами. Игрушки ей дѣлалѣ самѣ царѣ Горохѣ—нечего дѣлатѣ, хотѣ и царѣ, а дѣлай дочери игрушки. Онѣ такѣ выучился этому дѣлу, что никто другой въ государствѣ не сумѣлѣ бы сдѣлатѣ такую телѣжку для царевны Горошинки или другія игрушки. Всего удивительнѣе было то, что мухи и тараканѣ тоже любили маленькую царевну, и она даже каталась на нихѣ, какѣ большіе люди катаются на лошадяхѣ. Были, конечно, и свои неприятности. Разѣ царевна Горошинка упросила матѣ взять ее съ собой въ садѣ.

— Только однимѣ глазкомѣ взглянутѣ, матушка, какіе садѣ бываютьѣ,—упрашивала царевна Горошинка,—я ничего не сломаю и не испорчу...

ЦАРЕВНА ГОВШИНКА ГРА-
ТАЛАСЬ ВЪ КОЛОКОЛЬЧИКЪ

— Ахъ, что я съ ней буду дѣлатъ?—взмолилась царица Луковна.

Однако пошли въ садъ. Царь Горохъ стоялъ на сторожѣ, чтобы кто-нибудѣ не увидалъ царевны Горошинки, а царица вышла на дорожку и выпустила изъ коробочки свою дочку. Ужасно обрадовалась царевна Горошинка и долго рѣзвилась на песочкѣ и даже спряталась въ колокольчикѣ. Но эта игра чуть не кончилась бѣдой. Царевна Горошинка забралась въ траву, а тамъ сидѣла толстая, старая лягушка—увидала она маленькую царевну, раскрыла пасть и чуть не проглотила ея, какъ муху. Хорошо, что во-время прибѣжалъ самъ славный царь Горохъ и раздавилъ лягушку ногой.

УВИДАЛА
ОНА МА-
ЛЕНЬКУЮ
ЦАРЕВНУ,

РАСКРЫЛА
ПАСТЬ

III.

Такъ жилъ да поживалъ славный царь Горохъ. Всѣ думали, что онъ останется веселымъ всегда, а вошло не такъ. Когда родилась царица Горошинка, онъ уже былъ не молодъ, а потомъ началъ быстро стариться. На глазахъ у всѣхъ старится славный царь Горохъ. Лицо осунулось, пожелтѣло, глаза ввалились, руки начали трястись, а стараго веселья какъ не бывало. Сильно измѣнился царь Горохъ, а съ нимъ вмѣстѣ приуныло и все гороховое царство. Да и было отчего приуныть: старившійся царь Горохъ сдѣлался подозрительнымъ, всюду видѣлъ измѣну и никому не вѣрилъ, даже самымъ любимымъ боярамъ и воеводамъ.

— Никому не вѣрю!—говорилъ царь Горохъ имъ въ глаза.—Всѣ вы готовы измѣнить мнѣ при первомъ удобномъ случаѣ, а за спиной, навѣрно смѣтаетъ надо мной... Все знаю!.. Лучше и не оправдывайтесь.

— Помилуй, славный царь Горохъ!—взмолились бояре и воеводы.—Да какъ мы посмѣемъ что-нибудь дурное даже подумать... Всѣ тебя любятъ, славный царь Горохъ, и всѣ готовы жизнь свою отдать за тебя.

— Знаю, знаю. Правые люди не будутъ оправдываться. Вы только то и дѣлаете, что ждете моей смерти.

Всѣ начали бояться славнаго царя Гороха. Такой былъ хорошій и веселый царь, а тутъ вдругъ точно съ печи упалъ—и узнать нельзя. И скучно

сдѣлался славный царь Горохъ, какъ кашей. Сидитъ и высчитываетъ, сколько добра у него сѣбли и выпили гости, да, кромѣ того, сколько еще разныхъ подарковъ получили. И обидно старику, что столько добра пущено на вѣтеръ, и жалъ своей царской казны. Началъ славный царь Горохъ всѣхъ притѣснять, каждую денежку высчитывать и даже по утрамъ сидѣлъ въ кухнѣ и смотрѣлъ, какъ варятъ ему щи, чтобы повара не растащили провіанта.

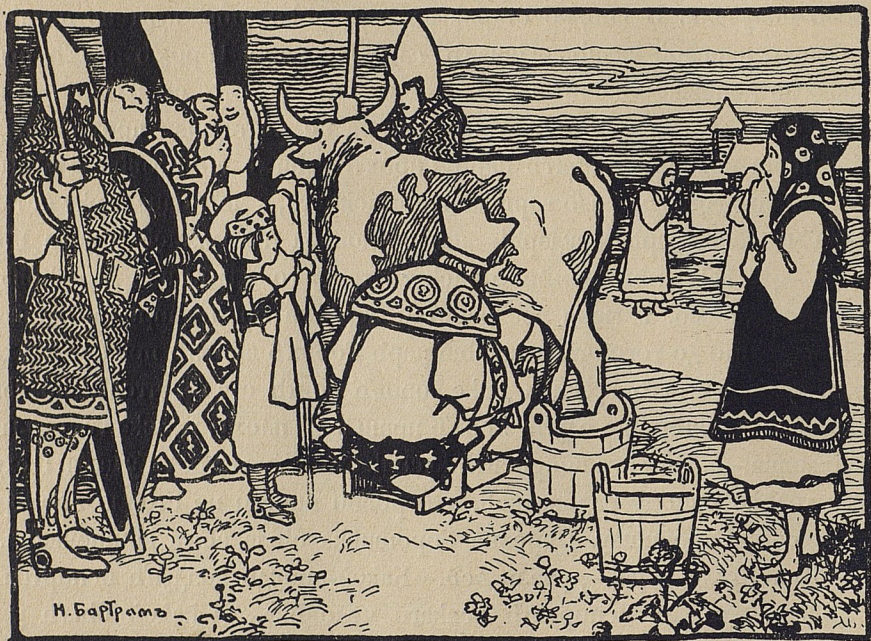
— Воры въ всѣ!—коритъ царь Горохъ своихъ поваровъ.—Только от-вернисъ, въ всю говядину изъ горшка повѣтаскаете, а мнѣ одну жижу оставите.

— Смилуйся, царь-государь!—вопили повара и валялись у царя Гороха въ ногахъ.—Да какъ мы посмѣемъ таскать твою говядину изъ горшковъ...

— Знаю, знаю. У меня все царство воръ на ворѣ—воромъ погоняетъ.

Дѣло дошло до того, что славный царь Горохъ велѣлъ при себѣ и хлѣбъ рѣзатъ, и самъ считалъ куски и даже коровъ доить сталъ, чтобы не выпили царскаго молока невѣрныя слуги. Всѣмъ пришлось плохо, и даже голодала сама царица Луковна,—плачетъ, а попроситъ кусочка хлѣба не смѣетъ у царя. Исхудала бѣдная и только одному радовалась, что ровно ничего не стоило прокормить любимую дочь, Горошинку. Царевна Горошинка была свита крошечками...

— Испортили царя!—думали всѣ.—Какой-нибудь колдунъ испортилъ, не иначе дѣло. Долго ли испортитъ всякаго человѣка... А какой былъ у насъ славный да веселый царь!..

А славный царь Горохъ съ кажды́мъ днемъ дѣлался все хуже и злѣе. Началъ онъ людей по тюрьмамъ садить, а другихъ прямо казнить. Ходятъ по всему гороховому царству немилостивые царскіе пристава, ловятъ людей и казнятъ. Чтобы услужить царю Гороху, они выбираютъ самыхъ богатыхъ, чтобы ихъ имѣнне пошло въ царскую казну.

— Однако, сколько у меня развелось измѣнниковъ! — удивляется славный царь Горохъ. — Это они у меня столько всякаго добра наворовали... А я-то попростотѣ ничего и не замѣчаю. Еще бы немного, такъ я бы самъ съ голоду померъ...

ОДНАКО СКОЛЬКО
У МЕНЯ

РАЗВЕЛОСЬ
ИЗМѢННИКОВЪ

Съ кажды́мъ днёмъ славный царь Горохъ дѣлался все хуже и хуже, а народъ все искалъ, кто его испортилъ. Искали, искали и, наконецъ, нашли. Оказалось, что царя испортила его родная дочь, прекрасная царица Кутафья. Да, она самая... Нашлись люди, которые своими глазами видѣли, какъ она вылетала изъ дворца, обернувшись сорокой, а то еще хуже — бѣгала по городу мѣшью и подслушивала, кто и что болтаетъ про царя. Отъ нея и все зло по гороховому царству пошло. Доказательства были всѣ на-лицо: славный царь Горохъ любилъ только одну прекрасную царицу Кутафью. Онъ даже прогналъ всѣхъ своихъ поваровъ, а главнаго повѣсилъ передъ кухней, и теперь царское кушанье готовила одна прекрасная царица Кутафья. Ей только одной вѣрилъ теперь царь Горохъ и никому больше.

— Что намъ дѣлать теперь? — жаловались всѣ другъ другу. — Домашний врагъ сильнѣе всѣхъ... Погубить прекрасная царица Кутафья все царство. Некуда намъ дѣваться отъ колдуньи...

Впрочемъ, оставалась еще одна послѣдняя надежда. О красотѣ царицы Кутафьи прошла слава по всѣмъ землямъ, и къ царю Гороху набѣжали женихи со всѣхъ сторонъ. Лиха бѣда въ томъ, что она всѣмъ отказывала. Все не хороши женихи. Но вѣдь надобно же когда-нибудь ей въ дѣвкахъ си-

НАВЪЗЖАЛИ ЖЕНИХИ СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ

дѣтъ, выйдетъ она замужъ, и тогда всѣ вздохнутъ свободно. Думали, судили, рядили, передумывали, а прекрасная царевна Кутафья и думать ничего не хотѣла о женихѣ. Послѣднимъ навхалъ къ царю Гороху молодой король Косарь, красавецъ и богатырь, какихъ поискать, но и онъ получилъ отказъ, т.-е. отказалъ ему самъ царь Горохъ.

ГОРЬКО
ПЛАКАЛА

— Королевство у тебя маловато, король Косарь, — заявилъ ему славный царь Горохъ, поглаживая бородку. — Еле-еле самъ свѣтъ, а чѣмъ жену будешь кормить?

Обидѣлся король Косарь, сѣлъ на своего коня и сказалъ на прощанье царю Гороху:

— Изъ маленькаго королевства можетъ вырасти и большое, а изъ большого царства ничего не останется. Отгадай, что это значитъ?

Славный царь Горохъ только посмѣялся надъ хвастовствомъ короля Косаря: молодъ еще, на губахъ молоко не обсохло. Царевны, прекрасной Кутафьи, отецъ даже не спросилъ, нравится ей или не нравится король Косарь. Не дѣвичье это дѣло жениховъ разбирать: отецъ съ матерью лучше знаютъ,

кому отдать родное дѣтище. Прекрасная царевна Кутафья видѣла изъ своего терема, какъ уѣзжалъ домой король Косарь, и горько плакала.

Пришелся ей къ самому сердцу красавецъ-король, да, видно, ничего противъ воли родительской не подѣлаешь. Всплакнула и царица Луковна, жалѣючи дочь, а сама и пикнуть не смѣла передъ царемъ.

Не успѣлъ славный царь Горохъ оглянуться, какъ король Косарь принялся разгадывать свою загадку. Первымъ дѣломъ онъ пошелъ войной на царя Пантелея, началъ брать города и избилъ несчетное число народа. Испугался царь Пантелей и сталъ просить помощи у царя Гороха. Раньше они ссорились и иногда воевали, но въ бѣдѣ некогда разбирать старыхъ счетовъ. Однако славный царь Горохъ опять погордился и отказалъ.

— Управляйся, какъ знаешь,—сказалъ онъ черезъ пословъ царю Пантелею.—Всякому своя рубашка ближе къ тѣлу.

Не прошло и полугода, какъ прибѣжалъ и самъ царь Пантелей. У него ничего не осталось, кромѣ бороды, а его царствомъ завладѣлъ король Косарь.

— Напрасно ты мнѣ не помогъ,—укорялъ онъ царя Гороха.—Вмѣстѣ то мы его побѣдили бы, а теперь онъ меня разбилъ и тебя разобьетъ.

— Это еще мы увидимъ, а твой Косарь—молокососъ...

КОРОЛЮ КОСАРЬ ПОСЛАЛЪ СОБАКУ СЪ ОБРУБЛЕННЫМЪ ХВОСТОМЪ

V.

Завоевавъ царство Пантелея, король Косарь послалъ къ славному царю Гороху своихъ пословъ, которые и сказали:

— Отдай нашему храброму королю Косарю свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, а то и тебѣ будетъ то же, что царю Пантелею.

Разсердился царь Горохъ и велѣлъ казнить косаревыхъ пословъ, а самому королю Косарю послалъ собаку съ обрубленнымъ хвостомъ. Вотъ, дескать, тебѣ самая подходящая невѣста...

Разсердился и король Косарь и пошелъ войной на гороховое царство, идетъ—и народъ, какъ косой, коситъ. Сколько селъ разорилъ, сколько городовъ выжегъ, сколько народу погубилъ, а воеводъ, которыхъ въслалъ противъ него царь Горохъ, въ полонъ взялъ. Долго ли, коротко ли сказка называется, а только король Косарь подступилъ уже къ самой столицѣ, обложилъ ее кругомъ, такъ что никому ни проходу, ни проѣзду нѣтъ, и опять шлетъ пословъ къ славному царю Гороху.

— Отдай замужъ свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, нашему королю Косарю,—говорили послы.—Ты первыхъ пословъ казилъ и насъ можешь казнить. Мы люди подневольные...

— Лучше я самъ умру, а дочери не отдамъ вашему королю!—отвѣтилъ царь Горохъ.—Пусть самъ беретъ, если сумѣетъ только взять... Я вѣдь не царь Пантелей.

Хотѣлъ славный царь Горохъ и этихъ пословъ казнить, да за нихъ во-время заступилась сама прекрасная царевна Кутафья. Бросилась она въ ноги грозному отцу и начала горько плакать.

— Лучше меня вели казнить, отецъ, а эти люди невиноваты... Сними съ меня голову, только не губи другихъ. Изъ-за меня, несчастной, напрасно лбется кровъ, и гибнутъ люди...

— Вотъ какъ? Отлично... — отвѣтилъ славный царь Горохъ. — Ты отца родного промѣняла на какихъ-то пословъ? Спасибо, доченька... Можетъ быть, тебѣ хочется замужъ за короля Косаря? Ну, этого ты не дождешься... Все царство загублю, а тебѣ не бывать за Косаремъ...

Страшно разсердился царь Горохъ на любимую дочь и велѣлъ посадить ее въ высокую-высокую башню, гдѣ томились и другіе заключенные, а въ подвалъ были посажены косаревы послы. Народъ узналъ объ этомъ и толпами приходилъ къ башнѣ, чтобы ругать опальную царевну.

— Отдай намъ наши города, взятые королемъ Косаремъ?! — кричали ей снизу, потерявшие отъ горя голову, люди. — Отдай всѣхъ, которыхъ убилъ король Косарь? Изъ-за тебя мы всѣ терпимъ и мучимся, изъ-за тебя и сами перемремъ всѣ голодною смертію... Ты испортила и своего отца, который раньше не былъ такимъ.

Страшно дѣлалось прекрасной царевнѣ Кутафѣѣ, когда она слышала такія слова. Вѣдь ее разорвали бы на мелкія части, если бы она вышла изъ башни. А чѣмъ она виновата? Кому она сдѣлала какое зло? Вотъ и родной

отецъ ее возненавидѣлъ ни за что... Горько и обидно дѣлается царевнѣ, и горько-горько она плачетъ, день и ночь плачетъ.

— И для чего я только уродилась красавицей? — причитывала она, ломая руки. — Лучше бы мнѣ родиться какимъ-нибудь уродомъ, хромой и горбатой... А теперь всё противъ меня. Охъ, лучше бы меня казнилъ отецъ!..

А въ столицѣ уже начинался голодъ. Голодные люди приходили къ башнѣ и кричали:

— Прекрасная царевна Кутафья, дай намъ хлѣба... Мы умираемъ съ голоду. Если насъ не жалѣешь, то пожалѣй нашихъ дѣтей.

**ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА
КУТАФЯ, ДАЙ НАМЪ
ХЛѢБА...**

VI.

Жалѣла прекрасную царевну Кутафью одна матѣ, тѣмъ болѣе, что знала, что она ни въ чемъ невиновата. Всѣ глаза выплакала старая царица Луковна, а мужу ничего не смѣла сказать. И плакала она потихоньку ото всѣхъ, чтобы кто-нибудь не донесъ царю. Материнское горе видѣла одна царевна Горошинка и плакала вмѣстѣ съ ней, хотя и не знала, о чемъ плачетъ. Очень ей жалъ было матери: такая большая женщина и такъ плачетъ.

— Мама, скажи, о чемъ ты плачешь? — спрашивала она. — Ты только скажи, а я попрошу отца... Онъ все устроитъ.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь, Горошинка.

Царица Луковна не подозрѣвала, что Горошинка знала гораздо болѣе, чѣмъ она думала. Вѣдь это былъ необыкновенный ребенокъ. Горошинкѣ улыбались цвѣты, она понимала, о чемъ говорятъ мухи, а когда выросла большой, т.-е. ей исполнилось семнадцать лѣтъ, съ Горошинкой произошло нѣчто совершенно необыкновенное, о чемъ она никому не рассказывала. Стоило ей захотѣть — и Горошинка превращалась въ муху, въ мышку, въ маленькую птичку. Это было очень интересно. Горошинка пользовалась тѣмъ временемъ, когда матѣ спала, и вылетала въ окно мухой. Она облетѣла всю

ОНА ПОНИМАЛА, О ЧЕМЪ ГОВОРИЛИ МУХИ

столицу и все рассмотрѣла. Когда отецъ заключилъ прекрасную Кутафью въ башню, она пролетѣла и къ ней. Царевна Кутафья сидѣла у окна и горько-горько плакала. Муха-Горошинка полетала около нея, пожужжала и, наконецъ, проговорила.

— Не убивайся, сестрица. Утро вечера мудренѣе...

Царевна Кутафья страшно перепугалась. Къ ней никого не допускали, а тутъ вдругъ человѣческій голосъ.

— Это—я, твоя сестренка Горошинка.

— У меня нѣтъ никакой сестрицы...

— А я-то на что?

Горошинка рассказала о себѣ все, и сестры

поцѣловались. Теперь обѣ плакали отъ радости и не могли наговориться. Прекрасная царица Кутафья смущалась только однимъ, именно, что маленькая сестренка Горошинка умѣетъ превращаться въ муху. Значитъ, она колдунья, а всѣ колдуньи—злыя.

— Нѣтъ, я не колдунья,—объясняла обиженная Горошинка.—А только заколдована кѣмъ-то, и на мнѣ положенъ какой-то зарокъ, а какой зарокъ—никто не знаетъ. Что-то я должна сдѣлать, чтобы превратиться въ обыкновенную дѣвушку, а что—не знаю.

Прекрасная царица Кутафья рассказала о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ: какъ она жалѣла отца, который сдѣлался злымъ, а потомъ, сколько горя изъ-за нея терпитъ теперь все гороховое царство. А чѣмъ она виновата, что король Косарь непременно хочетъ жениться на ней? Онъ даже и не видалъ ея ни разу.

— А тебѣ онъ нравится, сестрица?—лукаво спросила Горошинка.

Прекрасная царица Кутафья только опустила глаза и покраснѣла.

— Раньше нравился...—объяснила она со смущеніемъ.—А теперь я его не люблю. Онъ—злой.

— Хорошо. Понимаю. Ну, утро вечера мудренѣе...

VII.

Все гороховое царство было встревожено. Во-первыхъ, царевичъ Орликъ попался въ плѣнъ злому королю Косарю, а во-вторыхъ, исчезла изъ башни прекрасная царица Кутафья. Отворили утромъ тюремщики дверь въ комнату царицы Кутафьи, а ея и слѣдъ простылъ. Еще больше удивились они, когда увидѣли, что у окошка сидитъ другая дѣвица, сидитъ и не шелохнется.

— Ты какъ сюда попала?—удивились тюремщики.

— А такъ... Вотъ пришла и сижу.

И дѣвица какая-то особенная—горбатая, да рябая, а на самой надѣто платишко худенькое, все въ заплаткахъ. Пришли тюремщики въ ужасъ.

— Что ты надѣлала-то, умница? Вѣдь расказнѣ насъ славный царь Горохъ, что не уберегли мы прекрасной царицы Кутафьи...

Побѣжали во дворецъ и объявили все. Прибѣжалъ въ башню самъ славный царь Горохъ—такъ бѣжалъ, что и шапку дорогой потерялъ.

— Всѣхъ казню!—кричалъ онъ.

— Царь-государь, смилуйся!—вопили тюремщики, ваяясь у него въ ногахъ.—Что хочешь дѣлай, а мы невиноваты. Видно, посмѣялась надъ нами, бѣдными, прекрасная царица Кутафья...

Одного не посмѣли сказать тюремщики, именно, что прекрасная царевна Кутафья — вѣдьма. Не даромъ весь народъ говорилъ это же. Только тюремщикамъ не приходилось этого говорить въ глаза самому отцу.

Посмотрѣвъ славный царь Горохъ на рябую дѣвицу, которая, какъ ничего не бывало, сидѣла у окошечка, и удивился не меньше тюремщиковъ.

— Да ты откуда взялась-то, красота писаная? — строго спросилъ онъ.

— А такъ... Гдѣ была — тамъ ничего не осталось.

Удивляется славный царь Горохъ, что такъ смѣло отвѣчаетъ ему рябая дѣвица и нисколько его не боится.

— А ну-ка, повернись... — сказалъ онъ, удивляясь.

Какъ поднялась дѣвица, всѣ увидѣли, что она хромая, а платишко на ней едва держится — заплата на заплатѣ.

— Этакую ворону и казнить даже не стоитъ, — подумалъ славный царь Горохъ.

Собрались тюремщики, тоже смотрятъ и тоже дивуются.

— Какъ тебя звать-то, красавица? — спросилъ царь Горохъ.

— А какъ нравится, такъ и зови... Прежде звали Босоножкой.

— И ты меня не боишься?

— Чего мнѣ тебя бояться, когда ты добрый... Такъ и всѣ говорятъ: какой у насъ добрый царь Горохъ.

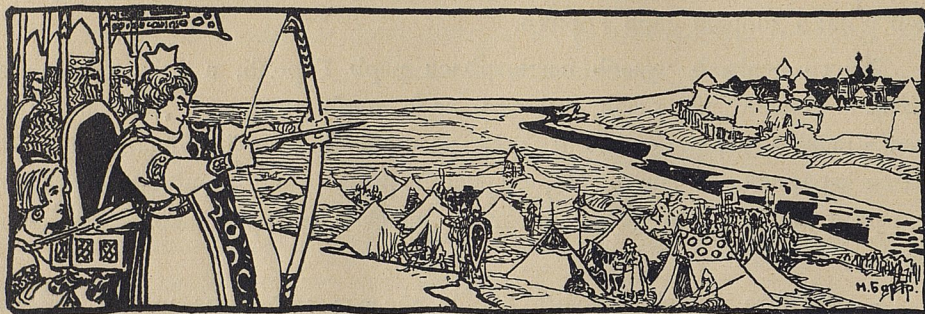
Много всякихъ чудесъ насмотрѣлся царь Горохъ, а такого чуда не видывалъ. Прямо въ глаза смѣется надъ нимъ мудреная дѣвица. Задумался славный царь Горохъ и даже не пошелъ домой обѣдать, а самъ остался караулить въ башнѣ. Тюремщики были закованы въ цѣпи и отведены въ другую тюрьму. Не умѣли ухранить царской дочери, такъ пусть сами сидятъ...

— Скажите царицѣ Луковнѣ, чтобъ послала мнѣ сюда шей и каши,— приказалъ царь Горохъ.—А я самъ буду сторожить. Дѣло не чисто...

А царица Луковна убивалась у себя во дворцѣ. Плачетъ, какъ рѣка льется. Сына въ полонъ взялъ злой король Косарь, прекрасная дочь Кутафья исчезла, а тутъ еще пропала царевна Горошинка. Искала-искала ее царица по всѣмъ комнатамъ—нѣтъ нигдѣ Горошинки.

— Видно, ее мѣшъ загрызла или воробей заклевалъ,—думала царица Луковна и еще болѣе плакала.

ПРИВЯЗЫВАЕТЪ ПИСМО КЪ СТРѢЛѢ И
ПУСКАЕТЪ ВЪ ГОРОДЪ.

VIII.

Въ столицѣ славнаго царя Гороха и стонѣ, и плачѣ, и горе, а злой король Косарѣ веселится въ своемъ станѣ. Чѣмъ хуже славному царю Гороху, тѣмъ веселѣе злomu королю Косарю. Каждое утро злой король Косарѣ пишетъ писмо, привязываетъ его къ стрѣлѣ и пускаетъ въ городъ. Его послѣднее писмо было такое:

«Эй, ты, славный царѣ Горохъ, не много у тебя закуски осталось—

приходи ко мнѣ, я тебя накормлю. Царю Пантелею я хотѣ бороду оставилъ, а у тебя и этого нѣтъ—у тебя не борода, а мочалка».

Сидитъ славный царь Горохъ въ башнѣ, читаетъ королевскія писма и даже плачетъ отъ злости.

Весѣ народъ, сбѣжавшійся въ столицу, страшно голодалъ. Люди умирали отъ голода прямо на улицѣ. Теперѣ уже никто не боялся славнаго царя Гороха—все равно умирали. Голодные люди приходили прямо къ башнѣ, въ которой заперся царь Горохъ, и ругали его.

— Вотъ, старый колдунъ караулитъ вѣдѣму-дочѣ... Сжечѣ ихъ надо, а пепелъ пуститъ по вѣтру. Эй, Горохъ, выходи лучше добромъ...

Слушаетъ всѣ эти слова царь Горохъ и плачетъ. Зачѣмъ онъ злился и притѣснялъ всѣхъ? Пока былъ добрый—все было хорошо. Гораздо выгоднѣе быть добрымъ. Догадался царь Горохъ, какъ слѣдовало жить, да поздно. А тутъ еще рябая дѣвица сидитъ у окошка и поетъ:

Жилъ да поживалъ славный царь Горохъ,

Побѣдитъ его никто не могъ...

А вся сила въ томъ была,

Что желалъ онъ всѣмъ добра.

— Правда, правда...—шепталъ царь Горохъ, обливаясь слезами. Потомъ мудреная дѣвица сказала ему:

— Вотъ что, славный царь Горохъ... Не ты меня держишь въ башнѣ, а я тебя держу. Понялъ? Ну, такъ довольно... Нечего тебѣ здѣсь больше дѣлать. Ступай-ка домой—царица Луковна очень соскучилась о тебѣ. Какъ придеши домой—собирайся въ дорогу. Понялъ? А я приду за вами...

— Какъ же я пойду—меня убьютъ дорогой.

— Никто не убьетъ. Вотъ, я тебѣ дамъ пропускъ...

Оторвала дѣвица одну заплатку со своего платья и подала царю. И, дѣйствительно, дошелъ царь Горохъ до самаго дворца, и никто его не узналъ, даже свои дворцовые слуги. Они даже не хотѣли его пускать во дворецъ. Славный царь Горохъ хотѣлъ было разсердиться и тутъ же всѣхъ ихъ казнить, да во-время припомнилъ, что добрымъ быть куда выгоднѣе. Укрѣпился царь Горохъ и сказалъ слугамъ:

— Мнѣ бы только увидать царицу Луковну. Всего одно словечко сказать...

Слуги смилостивились и допустили старика къ царицѣ. Когда онъ шелъ въ царскіе покои, они сказали ему одно:

— Царица у насъ добрая, смотри, не вздумай просить у нея хлѣба. Она и сама черезъ день теперь ѣстъ. А все изъ-за проклятаго царя Гороха...

Царица Луковна узнала мужа сразу и хотѣла броситься къ нему на шею, но онъ сдѣлалъ ей знакъ и шепнулъ.

— Бѣжимъ скорѣе... Послѣ все расскажу.

Сборы были короткіе—что можно унести въ рукахъ. Царица Луковна взяла только одну пустую коробочку, въ которой жила Горошинка. Скоро пришла и Босоножка и повела царя съ царицей. На улицѣ догналъ ихъ царь Пантелей и со слезами заговорилъ:

— Что же это вы меня одного оставляете?

— Ну, идемъ съ нами...—сказала Босоножка.—Веселѣе вмѣстѣ идти.

IX.

Король Косарь стоялъ подлѣ столицей царя Гороха уже второй годъ и не хотѣлъ братъ города приступомъ, чтобы не губить напрасно своихъ королевскихъ войскъ. Все равно, сами сдадутся, когда «до сѣта наголодаются».

Отъ нечего дѣлать веселится злой король Косарь въ своей королевской палаткѣ. Веселится и днемъ, веселится и ночью. Горятъ огни, играетъ музыка, поютъ пѣсни... Всѣмъ весело, только горюютъ одни плѣнники, которыхъ охраняла крѣпкая королевская стража. А среди всѣхъ этихъ плѣнниковъ больше всѣхъ горюетъ царевичъ Орликъ, красавецъ Орликъ, о которомъ тосковали всѣ дѣвушки, которыя его видѣли хоть издали. Это былъ орленокъ, выпавшій изъ родного гнѣзда. Но приставленная къ царевичу стража стала замѣчать, что каждое утро прилетаетъ откуда-то бѣлобокая сорока и что-то долго стрекочетъ по-своему, по-сорочьему, а сама такъ и вѣтся надъ землян-

кой, въ которой сидѣлъ плѣнный царевичъ. Пробовали стрѣлять въ нее, но никто попасть не могъ.

— Это какая-то проклятая птица!—рѣшили всѣ.

Какъ ни веселился король Косарь, а надоѣло ему ждать покорности. Послалъ онъ въ осажденный городъ стрѣлу съ писемомъ, въ которомъ предупредилъ царя Гороха, что, если города ему не сдадутъ, то завтра царевичъ Орликъ будетъ казненъ. Ждалъ король Косарь отвѣта до самого вечера и не получалъ его. И въ столицѣ не зналъ еще никто, что славный царь Горохъ бѣжалъ.

— Завтра казнить царевича Орлика,—приказалъ король Косарь.—Надоѣло мнѣ ждать... Всѣхъ буду казнить, кто только попадется мнѣ въ руки. Пусть помнятъ, какой былъ король Косарь...

Къ утру все было готово для казни. Собралось все королевское войско смотрѣть, какъ будутъ казнить царевича Орлика. Король Косарь смотрѣлъ на все изъ своей палатки. Вотъ ужъ загудѣли уныло трубы, и сторожа вывели царевича. Молодой красавецъ не трусилъ, а только съ тоской посмотрѣлъ на родную столицу, стѣны которой были усыпаны народомъ. Тамъ уже было извѣстно о казни царевича.

Король Косарь вышелъ изъ палатки и махнулъ платкомъ—это значило что прощенья не будетъ. Но въ это именно время налетѣла сорока, взвилась надъ землянкой плѣннаго царевича и страшно затрещала. Она такъ и вилась надъ головой Косаря.

— Что это за птица?—разсердился король Косарь.

Придворные бросились отгонять птицу, а она такъ и лѣзетъ—кого въ голову клонетъ, кого въ руку, а кому прямо въ глазъ норовитъ попасть. И придворные разсердились. А сорока сѣла на золотую маковку королевской палатки и точно всѣхъ дразнитъ. Начали въ нее стрѣлять, и никто попасть не можетъ.

— Убейте ее!—кричитъ король Косарь.—Да нѣтъ, куда вамъ... Давайте мнѣ мой лукъ и стрѣлы. Я покажу вамъ, какъ нужно стрѣлять...

Натянулъ король Косарь могучей рукой тугой лукъ, вспѣла, оперенная лебединымъ перомъ, стрѣла, и свалилась съ маковки сорока. У всѣхъ на глазахъ свершилось великое чудо. Когда подбѣжали поднять убитую сороку, на землѣ лежала съ закрытыми глазами дѣвушка неописанной красоты. Всѣ сразу узнали въ ней прекрасную царевну Кутафью. Стрѣла попала ей прямо въ лѣвую руку, въ самый мизинецъ. Подбѣжалъ самъ король Косарь, припалъ на колѣни и въ ужасѣ проговорилъ:

— Дѣвица-краса, что ты со мной сдѣлала?

Раскрылись чудные дѣвичьи глаза, и прекрасная царевна Кутафья отвѣтила:

— Не вели казнить брата Орлика...

Король Косарь махнулъ платкомъ, и стража, окружающая царевича, наступилась.

ДѢВИЦА-КРАСА, ЧТО ТЫ
СО МНОЮ СДѢЛАЛА

Х.

Ведетъ Босоножка двухъ царей да царицу Луковну, а они идутъ да ссорятся. Все задираетъ царъ Пантелей.

— Ахъ, какое у меня отличное царство было!.. — хвастается онъ. — Такого другого царства и нѣтъ...

— Вотъ и врешъ, царъ Пантелей! — спорилъ царъ Горохъ. — Мое было не въ примѣръ лучше...

— Нѣтъ, мое!..

— Нѣтъ, мое!..

Какъ ни старается царъ Горохъ сдѣлаться добрымъ, и никакъ не можетъ. Какъ тутъ будешь добрымъ, когда царъ Пантелей говоритъ, что его царство было лучше?

Опять идутъ.

— А сколько у меня всякаго добра было, — говоритъ царъ Пантелей. — Одной казны не пересчитаешь. Ни у кого столько не было.

— Опять врешъ! — сказалъ царъ Горохъ. — У меня и добра и казны было больше.

Идутъ цари и ссорятся. Царица нѣсколько разъ дергала царя Гороха за рукавъ и шептала:

— Перестань, старикъ... Вѣдь ты же хотѣлъ быть добрымъ?

— А ежели царь Пантелей мѣшаетъ мнѣ быть добрымъ? — сердился славный царь Горохъ.

Всякій думаетъ о своемъ, а царица Луковна все о дѣтяхъ. Гдѣ-то красавецъ-царевичъ Орликъ? гдѣ-то прекрасная царица Кутафья? гдѣ-то царица Горошинка? Последней было ей больше всего жалъ. Поди и косточекъ не осталось отъ Горошинки... Идетъ царица и потихоньку вытираетъ материнскія слезы рукавомъ.

А цари отдохнутъ и опять спорятъ. Спорили, спорили, чуть не подрались. Едва царица Луковна ихъ разняла.

— Перестаньте вы грѣшить, — уговаривала она ихъ. — Оба лучше... Ничего не осталось, такъ и хвалиться нечѣмъ.

— У меня-то осталось! — озлился славный царь Горохъ. — Да, осталось.. я и сейчасъ богаче царя Пантелея.

Разсердился царь Горохъ, сдернулъ перчатку съ правой руки, показалъ царю Пантелею свои шесть пальцевъ и говоритъ:

— Что, видѣлъ? У тебя пять пальцевъ всего, а у меня цѣлыхъ шесть — и вошло, что я тебя богаче.

— Эхъ, ты, нашелъ чѣмъ хвалиться! — засмѣялся царь Пантелей. — Ужъ если на то пошло, такъ у меня одна борода чего стоитъ...

ПОСЛУШАЙ, ЦАРЬ ПАНТЕЛѢЙ... ЗАГОВОРѢЛЪ
ЦАРЬ ГОРХЪ - ПОСЛУШАЙ... БРОСЬ...

Долго спорили цари, опять чуть не подрались, но царь Пантелей изнемогъ, присѣлъ на кочку и заплакалъ. Царю Гороху сдѣлалось вдругъ совѣстно. Зачѣмъ онъ хвастался своими шестью пальцами и довелъ человека до слезъ?

— Послушай, царь Пантелей...—заговорилъ онъ.—Послушай... брось...

— Никакъ не могу бросить, царь Горохъ.

— Да ты о чемъ?

— А я ѣсть хочу. Лучше ужъ было остаться въ столицѣ или идти къ злому королю Косарю. Все равно, помирать голодною смертию...

Подошла Босоножка и подала царю Пантелею кусокъ хлѣба. Сѣлъ его царь Пантелей, да какъ закричитъ:

— А что же ты, такая-сякая, шей мнѣ не даешь?!.. По-твоему цари въ сухомыткѣ должны ѣсть? Да я тебя сейчасъ изничтожу...

— Перестань, нехорошо...—уговаривалъ царь Горохъ.—Хорошо, когда и кусокъ хлѣба найдется.

ХІ.

Долго ли, коротко ли вздорили цари между собой, потомъ мирились, потомъ опять вздорили, а Босоножка идетъ себѣ впереди, переваливается на кривыхъ ногахъ да черемуховой палкой подпирается. Царица Луковна мол-

чала, боялась, чтобы не было погони, чтобы не убили царя Гороха, а когда ушли подальше, и опасность миновала, она стала думать другое. И откуда взялась эта самая Босоножка? И платишко на ней рваное, и сама она какая-то корявая да еще кь тому же хромая. Не нашелъ царь Горохъ дѣвицы хуже. Такой-то уродины и близко бы кь царскому двору не пустили. Начала царица Луковна посерживаться и спрашиваетъ:

— Эй, ты, Босоножка, куда это ты насъ ведешь?..

Цари тоже перестали спорить и тоже накинудись на Босоножку.

— Эй, ты, кривая нога, куда насъ ведешь?

Босоножка остановилась, посмотрѣла на нихъ и только улыбнулась. А цари такъ кь ней и подступаютъ: сказывай, куда завела?

— А въ гости веду...—отвѣтила Босоножка и еще прибавила:—какъ разъ кь самой свадьбѣ поспѣемъ.

Тутъ ужъ на нее накинудась сама царица Луковна и начала ее касторить. И такая, и сякая—до свадьбы ли теперъ, когда у всякаго своего горя не расхлебашь. Въ глаза смѣется Босоножка надъ всѣми.

— Ты у меня смотри!—грозила царица Луковна.—Я шутить не люблю.

Ничего не сказала Босоножка, а только показала рукой впередъ. Теперъ всѣ увидѣли, что стоитъ впереди громадный городъ съ каменными стѣ-

нами, башнями и чудными хоромами, передъ городомъ раскинутъ станъ и несмѣтное войско. Немного струсили цари и даже попятились назадъ, а потомъ царь Пантелей сказалъ:

— Э, все равно, царь Горохъ! Пойдемъ... Чему бытъ—того не миновать, а, можетъ, тамъ и покормятъ. Очень ужъ я о шахъ стосковался...

Царь Горохъ тоже не прочь былъ закусить, да и царица Луковна проголодалась.

Нечего дѣлатъ, пошли. Никто не думаетъ даже, какой это городъ, и чей станъ раскинутъ. Царь Горохъ идетъ и думаетъ, зачѣмъ онъ хвастался предъ царемъ Пантелеемъ своими шестью пальцами, — болливъ царь Пантелей и всѣмъ разскажетъ. А царица Луковна начала прихорашиваться и сказала Босоножкѣ:

— Иди-ка ты, чумичка, позади насъ, а то еще осрамишь передъ добрыми людьми...

Идутъ дальше. А ихъ ужъ замѣтили на стану. Валить навстрѣчу народъ, впереди скачутъ вершники. Пріосанились оба царя, а царь Пантелей сказалъ:

— Ну, теперъ дѣло не одними щами пахнетъ, а и кашей и киселемъ... Очень ужъ я люблю кисель!..

Смотритъ царица Луковна и своимъ глазамъ не вѣритъ. Ыдетъ впереди на лихомъ конѣ самъ красавецъ-царевичъ Орликъ и машетъ своей шапкой. А за нимъ ѣдетъ тоже на конѣ прекрасная царевна Кутафья, а рядомъ съ ней ѣдетъ злой король Косарь.

— Ну, теперь, кажется, вышла каша-то съ масломъ... — забормоталъ, испугавшійся, царь Пантелей и хотѣлъ убѣжать, но его удержала Босоножка.

Подѣхали всѣ, и узналъ славный царь Горохъ родныхъ дѣтей.

— Да вѣдь это моя столица!—ахнулъ онъ, оглядываясь на городъ.

Слѣзились царевичъ Орликъ и царевна Кутафья и бросились въ ноги отцу и матери. Подошелъ и король Косарь.

— Ну, что же ты пнемъ стоишь?—сказалъ ему славный царь Горохъ.— Отъ поклону голова не отвалится...

Поклонился злой король Косарь и сказалъ:

— А вѣдь я думалъ, что ты злой, славный царь Горохъ. Бью тебѣ челомъ... Отдай за меня замужъ прекрасную царевну Кутафью.

— Ну, это еще посмотримъ,—гордо отвѣтилъ царь Горохъ.

Съ великимъ торжествомъ повели гостей въ королевскую палатку. Всѣ ихъ встрѣчали съ почетомъ. Даже царь Пантелей приосанился. Только когда

подходили къ палаткѣ, царица Луковна хватилась Босоножки, а ея и слѣдѣ простылѣ. Искали, искали, ничего не нашли.

— Это была Горошинка, мама, — шепнула царицѣ Луковнѣ прекрасная царевна Кутафья. — Это она все устроила.

Черезъ три дня была свадьба — прекрасная царевна Кутафья выходила за короля Косаря. Осада съ города была снята. Всѣ ѣли, пили и веселились. Славный царь Горохъ до того развеселился, что сказалъ царю Пантелею:

— Давай поцѣлуемся, царь Пантелей... И изъ-за чего мы ссорились? Вѣдѣ ежели разобратъ, и король Косарь совсѣмъ не злой...

ДАВАЙ
ПОЦѢЛУЕМСЯ

ЦАРЬ
ПАНТЕЛѢЙ

ХІІ.

Когда царь Горохъ съ царицей Луковной вернулся къ себѣ домой со свадьбѣ, Босоножка сидѣла въ царицыной комнатѣ и починовала свои заплатки. Царица Луковна такъ и ахнула.

— Да откуда ты взялась-то, уродина?—разсердилась старуха.

— Вы на свадьбѣ у сестрицы Кутафьи веселились, а я здѣсь свои заплатки починовала...

— Сестрицы?!.. Да какъ ты смѣешь такія слова выговаривать, негодная... Да я велю сейчасъ тебя въ три метлы отсюда выгнать. Тогда и узнаешь сестрицу Кутафью...

— Мама, да вѣдь я твоя дочь Горошинка.

У царицы Луковны даже руки опустились. Старуха сѣла къ столу и горько заплакала. Она только теперь припомнила, что сама Кутафья ей говорила о Горошинкѣ. Весело было на свадьбѣ, и про Горошинку съ радости всѣ и забыли.

— Охъ, забыла я про тебя, доченька,—плакалась царица Луковна.— Совсѣмъ изъ памяти вонъ... А еще Кутафья про тебя мнѣ шепнула. Вотъ грѣхъ какой въшелъ!

КАКЪ ТЫ СМѢЕШЬ ТАКІЯ СЛОВА ГОВОРИТЬ

Посмотрѣвъ на Босоножку, царица Луковна вдругъ опять разсердилась и проговорила:

— Нѣтъ, матушка, не походишь ты на мою Горошинку... Ни-ни!.. Просто взяла да притворилась и назвалась Горошинкой. И Кутафью обманула... Не такая у меня Горошинка была...

— Право, мама, я Горошинка, — увѣряла Босоножка со слезами.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... И не говори лучше. Еще царь Горохъ узнаетъ и сейчасъ меня казнить велитъ...

— Отецъ у меня добрый!..

— Отецъ?!.. Да какъ ты смѣешь такія слова говорить? Да я тебя въ чуланъ посажу, чумазую.

Горошинка заплакала. Она же о всѣхъ хлопотала, а ее и на свадьбу

забыли позвать, да еще родная матъ хочетъ въ чуланъ посадить. Царица Луковна еще сильнѣе разсердилась и даже ногами затопала.

— Вотъ еще горюшко навязалось!—кричала она.—Ну, куда я съ тобою дѣнусь? Придетъ уже царь Горохъ, увидитъ тебя—что я ему скажу? Да онъ и меня расказнитъ за такую-то дочь. Однимъ словомъ, обманываешь ты меня, а я еще тебя слушаю. Уходи сейчасъ же съ моихъ глазъ...

— Некуда мнѣ идти, мама...

— Какая я тебѣ мама?!.. Ахъ, ты, чучело гороховое... Будетъ притворяться-то... Тоже придумаетъ: дочь!

Царица Луковна и сердилась, и плакала, и рѣшительно не знала, что ей дѣлать. А тутъ еще, сохрани Богъ, царь Горохъ какъ-нибудь узнаетъ. Вотъ бѣда прикачнулась.

Думала, думала старушка и рѣшила послать за дочерью Кутафьей.

— Она помоложе, можетъ, что и придумаетъ, а я ужъ старуха, и взять съ меня нечего...

Недѣли черезъ три пріѣхала и Кутафья, да еще вмѣстѣ со своимъ мужемъ, королемъ Косаремъ. Все царство обрадовалось, а во дворцѣ поднялся такой пиръ, что царица Луковна совсѣмъ позабыла о Босоножкѣ, т.-е. не совсѣмъ забыла, а все откладывала разговоръ съ Кутафьей.

«Пусть молодые-то повеселятся и порадуются», думала царица Луковна. «Покажи имъ такую чучелу, такъ всѣ гости, пожалуй, разбѣгутся».

И гости веселятся напропалую, а всѣхъ больше царь Пантелей — пляшетъ старикъ, только борода трясется. Король Косарь отдалъ ему все царство назадъ, и царь Пантелей радовался, точно вчера родился. Онъ всѣхъ обнималъ и лѣзъ цѣловаться, такъ что царь Горохъ даже немного разсердился.

— Что ты лижешь, Пантелей, точно теленокъ!..

— Голубчикъ, царь Горохушко, не сердись!.. — повторялъ царь Пантелей, обнимая старого друга.

— Ахъ, какой ты... Теперъ я опять никого не боюсь и хотѣ сейчасъ опять готовъ воевать.

— Ну, это дѣло ты брось... Прежде я тоже любилъ повоевать, а теперь ни-ни!.. И такъ проживемъ...

Чтобы какъ-нибудь гости не увидали Босоножки, царица Луковна запрягала ее въ своей комнатѣ на ключъ, и бѣдная дѣвушка могла любоваться только въ окно, какъ веселились другіе. Гостей наѣхало со всѣхъ сторонъ видимо-невидимо, и было что посмотреть. Когда надобдало веселиться въ горницахъ, всѣ гости выходили въ садъ, гдѣ играла веселая музыка, а по ве-

черамъ горѣли разноцвѣтныя огни. Царь Горохъ похаживалъ среди гостей, разглаживалъ свою бороду и весело приговаривалъ:

— Не скучно ли кому? Не обидѣлъ ли я кого? Хватаетъ ли всѣмъ вина и ѣды? Кто умѣетъ веселиться, тотъ добрый человѣкъ...

Босоножка видѣла изъ окна, какъ царь Пантелей съ радости подбиралъ полы своего кафтана и пускался въ присядку. Онъ такъ размахивалъ длинными руками, что походилъ на мельницу или на летучую мышь. Не утерпѣла и царица Луковна — трянула стариной. Подбоченясь, взмахнула шелковымъ платочкомъ и поплыла павой, отбивая серебряными каблучками.

— Эхъ-эхъ-эхъ!..—приговаривала она, помахивая платочкомъ.

— Ай-да старуха!—хвалилъ царь Горохъ.—Когда я былъ молодой, такъ вотъ какъ умѣлъ плясать, а теперь брюхо не позволяетъ...

Босоножка смотрѣла на чужое веселье и плакала: очень ужъ ей было обидно чужое веселье.

XIII.

Сидя у своего окошечка, Босоножка много разъ видѣла сестру, красавицу Кутафью, которая еще болѣе похорошѣла, какъ вышла замужъ. Разъ Кутафья гуляла одна, и Босоножка ей крикнула:

ЦАРИЦА ЛЮКОВКА ПЫЛАЛА ПАВОЙ
ОТВЕДАЯ СЕРЕБРЯНЫМИ КАБЛУЧКАМИ

— Сестрица Кутафья, подойдите сюда...

Въ первѣй разѣ Кутафья сдѣлала видѣ, что не слыхала, во второй разѣ она взглянула на Босоножку и притворилась, что не узнала ея.

— Милая сестрица, да вѣдь это я, Горошинка...

Красавица Кутафья пошла и пожаловалась матери. Царица Луковна страшно разсердилась, прибѣжала, выбрала Босоножку и закрыла окно ставнями.

— Ты у меня смотри! — ворчала она. — Вотъ ужь, дай только гостямъ уѣхать... Пристало ли тебѣ, чучелѣ, съ красавицей Кутафьей разговаривать? Только меня напрасно срамишь...

Сидитъ Босоножка въ темнотѣ и опять плачетъ. Свѣту только и осталось, что щелочка между ставнями. Нечего дѣлать, отъ скуки и въ щелочку насмотришься. По цѣлымъ часамъ Босоножка сидѣла у окна и смотрѣла въ свою щелочку, какъ другіе веселятся. Смотрѣла, смотрѣла и увидѣла красавицу-визя, котораго пріѣхалъ на пиръ случайно. И хорошъ визь—лицо бѣлое, глаза соколиныя, русыя кудри изъ кольца въ кольцо. И молодъ, и хорошъ, и удалъ. Всѣ ликуются, а другіе визи только завидуютъ. Нечего сказать, хорошъ былъ король Косарь, а этотъ получше будетъ. Даже гордая красавица Кутафья не одинъ разъ потихоньку взглянула на писанаго красавца и вздохнула.

А у бѣдной Босоножки сердце такъ и бѣтается, точно пойманная птичка. Очень ужъ ей понравился неизвѣстный витязь. Вотъ бы за кого она и замужъ пошла. Вся бѣда въ томъ, что Босоножка не знала, какъ витязя зовутъ, ато какъ-нибудь вырвалась бы изъ своей тюрьмы и ушла бы къ нему. Все бы ему до капельки рассказала, а онъ навѣрно пожалѣлъ бы ее. Вѣдь она хорошая, хотя и уродина.

Сколько гости ни пировали, а пришлось разбѣжаться по домамъ. Царя Пантелея увезли совсѣмъ пьянаго. На прощаньи съ дочерью царица Луковна вспомнила про свою Босоножку и расплакалась.

— Ахъ, что я съ нею только дѣлать буду, Кутафья... И царя Гороха боюсь, и добрыхъ людей будетъ стыдно, когда узнаютъ.

Красавица Кутафья нахмурила свои соболиныя брови и проговорила:

— О чемъ ты плачешь, мама? Пошли ее въ кухню, на самую черную работу—вотъ и все... Никто и не посмѣетъ думать, что это твоя дочь.

— Да вѣдь жалъ ее, глупую...

— Всѣхъ уродовъ не пережалѣешь. Да я и не вѣрю ей, что она твоя дочь. Совсѣмъ не въ нашу семью: меня добрые люди красавицей называютъ, и братъ Орликъ тоже красавецъ. Откуда же такой-то уродинъ взялся?

— Говорить, что моя...

ВОТЪ ТАКЪ КРАСАВИЦА

— Мало ли что она скажетъ... А тѣе пошли въ кухню да еще къ самому злому повару.

Сказано—сдѣлано. Босоножка очутилась на кухнѣ. Всѣ повара и поварихи покатываются со смѣху, глядя на нее.

— Гдѣ это наша царица Луковна отыскала такую красоту? Вотъ такъ красавица... Хуже-то во всемъ гороховомъ царствѣ не сыскать.

— И одежонка на ней тоже хороша, — удивлялась повариха, разглядывая Босоножку: — воронъ пугать... Ну, и красавица!

А Босоножка была даже рада, что освободилась изъ своего заточенія, хотя ее и заставляли дѣлать самую черную работу — она мыла грязную посуду, таскала помои, мыла полы. Всѣ такъ ею и помывали, а особенно поварихи. Только знаютъ да покрикиваютъ.

— Эй, ты, хромая нога, только даромъ царскій хлѣбъ ѣшь! А полвзы отъ тебя никакой нѣтъ...

Особенно донимала ее старая повариха, злющая старая баба, у которой во рту словно было не одинъ языкъ, а цѣлыхъ десять. Случалось не разъ, что злая баба и прибетъ Босоножку: то кулакомъ въ бокъ сунетъ, то за косу дернетъ. Босоножка все переносила. Что можно было требовать отъ чужихъ людей, когда отъ нея отказались родная матъ и сестра. Спрячется куда-нибудь въ уголокъ и потихоньку плачетъ — только и всего. И пожаловаться некому. Правда, царица Луковна заглядывала нѣсколько разъ на кухню и справлялась о ней, но всѣ поварихи и повара кричали въ одинъ голосъ:

— Лѣнивая-прелѣнивая эта уродина, царица! Ничего дѣлать не хочетъ, а только даромъ царскій хлѣбъ ѣстъ...

— А вы ее наказывайте, чтобы не лѣнилась, — говорила царица.

Стали Босоножку наказывать: то безъ обѣда оставятъ, то запретъ въ

темный чуланъ, то поколотятъ. Больше всего возмущало всѣхъ то, что она переносила все молча, и если плакала, то потихоньку.

— Это какая-то отчаянная! — возмущались всѣ. — Ея ничѣмъ не проймешь... Она еще что-нибудь сдѣлаетъ съ нами. Возьметъ да дворецъ подожжетъ—чего съ нея взять, съ колченогой!

Наконецъ, вся дворня вѣшла изъ терпѣнія, и всѣ гурьбой пошли жаловаться царицѣ Луковнѣ.

— Возьми ты отъ насъ, царица Луковна, свою уродину. Житѣя намъ не стало съ нею. Вотъ какъ замаялись съ нею всѣ—и не рассказать.

Подумала, подумала царица Луковна, только покачала головой и сказала:

— А что я съ нею буду дѣлать? Надоѣло мнѣ слушать про нее...

— Сошли ты ее, царица матушка, на задній дворъ. Пусть гусей караулитъ... Самое это подходящее ей дѣло.

— Въ самомъ дѣлѣ, послать ее въ гусятницы, — обрадовалась царица Луковна. — Такъ и сдѣлаемъ... По крайней мѣрѣ, съ глазъ долой.

XIV.

Совсѣмъ обрадовалась Босоножка, какъ сдѣлали ее гусятницей. Правда, кормили ее плохо—на задній дворъ посѣляли съ царскаго стола одни обѣдки, но зато съ ранняго утра она угоняла своихъ гусей въ поле и тамъ про-

водила цѣлые дни. Завернетъ корочку хлѣба въ платокъ—вотъ и весѣ обѣдѣ. А какъ хорошо лѣтомъ въ полѣ—и зеленая травка, и цвѣточки, и ручейки, и солнышко смотритъ съ неба такъ ласково-ласково. Босоножка забывала про свое горе и веселилась, какъ умѣла. Съ нею разговаривали и полевая травка, и цвѣточки, и бойкіе ручейки, и маленькія птички. Для нихъ Босоножка совсѣмъ не была уродомъ, а такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ другіе.

— Ты у насъ будешь царицей,—шептали ей цвѣты.

— Я и то царская дочь,—увѣряла Босоножка.

Огорчало Босоножку только одно—каждое утро на задній дворъ приходилъ царскій поваръ, выбиралъ самаго жирнаго гуся и уносилъ. Очень ужъ любилъ царь Горохъ поѣсть жирной гусятины. Гуси ужасно роптали на такой аппетитъ царя Гороха и долго гоготали.

— Го-го-го... Цѣлъ бы царь Горохъ всякую другую говядину, а насъ бы лучше не трогалъ. И что мы ему понравились такъ, несчастные гуси!

Босоножка ничѣмъ не могла утѣшить бѣдныхъ гусей и даже не смѣла сказать, что царь Горохъ совсѣмъ добрый человѣкъ и никому не желаетъ дѣлать зла.

Хуже всего было, когда наѣзжали во дворецъ гости. Царь Пантелей одинъ сѣдалъ цѣлаго гуся. Любилъ старикъ покушать, хотя и худъ былъ,

КАКЪ ХОБШО ЛЕТОМЪ ВЪ ПОЛѢ

Н. БАТРАМЪ

какъ Кошей. Другіе гости тоже ѣли, да царя Гороха похваливали. Вотъ какой добрый да гостепріимный царь. Не то, что король Косарь, у котораго много не разгостишься. Красавица Кутафья, какъ вышла замужъ, сдѣлалась такая скупая — всего ей жалъ. Ну, гости похлопаютъ глазами и уѣдутъ, не солоно хлѣбавши, къ царю Гороху.

Какъ-то наѣхало гостей съ разныхъ сторонъ видимо-невидимо, и захотѣлъ царь Горохъ потѣшить ихъ молодецкою, соколиною охотой. Разбили въ чистомъ полѣ царскую палатку съ золотымъ верхомъ, наставили столовъ, навезли и пива, и браги, и всякаго вина, разложили по столамъ всякую ѣду. Приѣхали и гости — женщины въ колѣмагахъ, а мужчины верхомъ. Гарцуютъ на лихихъ армагахъ, и каждый показываетъ свою молодецкую удаль, а Красикъ — богатырь получше всѣхъ. Другіе витязи и богатыри только завидуютъ.

— Веселитесь, дорогіе гости, — поговариваетъ царь Горохъ, — да меня, старика, лихомъ не поминайте... Кабы не мое толстое брюхо, такъ я бы показалъ вамъ, какъ надо веселиться. Угорѣлъ я немного, чтобы удалъ свою показывать... Вотъ спросите царицу Луковну, какой я былъ молодецъ. Бывало, никто лучше меня на конѣ не проѣдетъ... А изъ лука какъ стрѣлялъ — разъ какъ пустилъ стрѣлу въ медвѣдя и прямо въ лѣвый глазъ попалъ, а она въ правую заднюю ногу вышла.

Царица Луковна во-время дернула за рукавъ расхваставшагося мужа, и царь Горохъ прибавилъ:

— То бишь это былъ не медвѣдь, а заяцъ...

Когда царица Луковна дернула его опять за рукавъ, царь Горохъ еще разъ поправился:

— То, бишь, и не заяцъ, а утка, и попалъ я ей не въ глазъ, а прямо-прямо въ хвостъ. Такъ, Луковна?

— Такъ, такъ, царь Горохъ, — подтвердила царица. — Вотъ какой былъ удалый...

Расхвастались и другіе витязи и богатыри, кто какъ умѣлъ. А больше всѣхъ расхвастался царь Пантелей.

— Когда я былъ молодой—теперь мнѣ борода мѣшаетъ,—такъ я одною стрѣлой убилъ оленя, ястреба и щуку,—разсказывалъ старикъ, поглаживая бороду.—Дѣло прошлое, теперь можно и похвастаться.

Пришлось царицѣ Луковнѣ дернуть за рукавъ и брата Пантелея, потому какъ очень ужъ онъ началъ хвастаться.

— Да, я... я...—заикался царь Пантелей.—Я прежде вотъ какъ легокъ былъ на ногу: побѣгу и зайца за хвостъ поймаю. Вотъ хотъ царя Гороха спросите...

— Врешъ ты все, Пантелей,—отвѣтилъ царь Горохъ.—Очень ужъ любишь похвастать... да... я верхомъ на волкѣ цѣлую ночь ѣздилъ. Ухватился за уши и сижу... Это всѣ знаютъ... Такъ, Луковна? Вѣдь ты помнишь?

— Да будетъ вамъ, горе-богатыри,—уговаривала расходившихся стариковъ царица.—Мало ли что было... Не все же рассказывать. Пожалуй, и не повѣрятъ еще... Можетъ быть, и со мною какіе случаи бывали, а я молчу. Поѣзжайте-ка лучше на охоту...

Загремѣли мѣдныя трубы, и царская охота выступила со стоянки. Царь Горохъ и царь Пантелей не могли ѣхать верхомъ и тащились за охотниками въ колымагѣ.

— Какъ я прежде верхомъ ѣздилъ...—со вздохомъ говорилъ царь Горохъ.

— И я тоже...—говорилъ царь Пантелей.

— Лучше меня никто не умѣлъ проѣхать...

— И я тоже...

— Ну, ужъ это ты хвастаешь, Пантелей!

— И не думалъ... Спроси, кого угодно.

— И все-таки хвастаешь... Ну, сознайся, Пантелеюшка: прихвастнулъ малымъ дѣломъ?

Царь Пантелей оглянулся и шопотомъ спросилъ:

— А ты, Горохушко?

Царь Горохъ тоже оглянулся и тоже отвѣтилъ шопотомъ:

— Чуть-чуть прибавилъ, Пантелеюшка... Такъ, на воробьиный носъ.

— И великъ же, должно бѣть, твой воробей...

Царь Горохъ чуть-чуть не разсердился, но во-время вспомнилъ, что нужно бѣть добрымъ, и расцѣловалъ Пантелея.

— Какіе мы съ тобою богатыри, Пантелеюшка... Даже всѣмъ это удивительно! Куда имъ, молодымъ-то, до насъ...

ЧУТЬ-ЧУТЬ
ПРИБАВИЛЪ
ПАНТЕЛѢЮШ
КА

ТАКЪ, НА
ВОРОБЬИНЫ
НОСЪ.

Босоножка пасла своихъ гусей и видѣла, какъ тѣшится царь Горохъ своею охотой. Слышала она веселіе звуки охотничьихъ роговъ, лай собакъ и веселіе окрики могучихъ богатырей, такъ красиво скакавшихъ на своихъ дорогихъ армагахъ. Видѣла Босоножка, какъ царскіе соколъничьи бросали своихъ соколовъ на разную болотную птицу, поднимающуюся съ озера или съ рѣки, на которой она пасла своихъ гусей. Взлетитъ соколъ кверху и камнемъ падетъ на какую-нибудь несчастную птицу, только перышки посыплются. А тутъ отдѣлился одинъ витязь отъ царской охоты и несется прямо на нее. Перепугалась Босоножка, что его соколъ перебьетъ ея гусей, и загородила ему дорогу.

— Витязь, не тронь моихъ гусей! — смѣло крикнула она и даже замахнулась хворостиной.

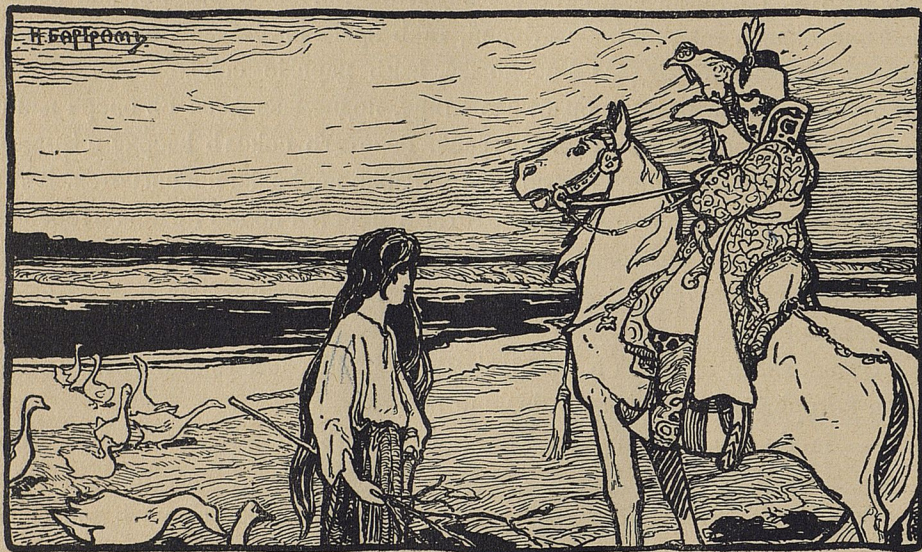
Остановился витязь съ удивленіемъ, а Босоножка узнала въ немъ того самого, который понравился ей больше всѣхъ.

— Да ты кто такая будешь? — спросилъ онъ.

— Я — царская дочь...

Засмѣялся витязь, оглядывая оборванную Босоножку съ ногъ до головы. Ни датъ, ни взятъ — настоящая царская дочь... А, главное, смѣла и даже хворостиной на него замахнулась.

Я - ЦАРСКАЯ ДОЧЬ

— Вотъ что, царская дочъ, дай-ка мнѣ напиться воды,—сказалъ онъ.— Разжарился я очень, а слѣзатъ съ коня не охота.

Пошла Босоножка къ рѣкѣ, зачерпнула воды въ деревянный ковшъ и подала витязю.

Тотъ выпилъ, вытеръ усы и проговорилъ:

— Спасибо, красавица... Много я на свѣтѣ видывалъ, а такую царскую дочъ вижу въ первый разъ.

Вернулся богатырь на царскую ставку и рассказываетъ всѣмъ о чудѣ, на которое онъ наѣхалъ.

Смѣются всѣ витязи и могучіе богатыри, а у царицы Луковны душа въ пятки ушла. Чего она боялась, то и случилось.

— Приведите ее сюда, и посмотримъ,—предлагалъ подгулявшій царь Пантелей.—Даже очень любопытно... Потѣшимся досѣта.

— И что вамъ за охота на уродину смотрѣть? — вступилась было царица Луковна.

— А зачѣмъ она себя царскою дочерью повеличиваетъ?

Послали сейчасъ же пословъ за Босоножкой и привели передъ царскій шатеръ. Царь Горохъ такъ и покатился со смѣху, какъ увидалъ ее. И горбатая, и хромая, и вся въ заплатахъ.

— Точно гдѣ-то я тебя, умница, видалъ?—спрашивалъ онъ, разглаживая бороду.— Чья твѣ дочь?

Босоножка смѣло посмотрѣла ему въ глаза и отвѣтила:

— Твоя, царь Горохъ.

Всѣ такъ и ахнули, а царь Пантелей чуть не задохся отъ смѣху. Ахъ, какая смѣшная Босоножка и какъ осрамила царя Гороха.

— Это я знаю,—нашелся царь Горохъ.— Всѣ мои подданные—мои дѣти...

— Я твоя родная дочь Горошинка,—смѣло отвѣтила Босоножка.

Тутъ ужъ не стерпѣла красавица Кутафья, вискочила и хотѣла вытолкать Босоножку въ шею. Царь Горохъ тоже хотѣлъ разсердиться, но вовремя вспомнилъ, что онъ добрый царь, и только расхохотался. И всѣ хотали надъ Босоножкой, а Кутафья такъ и подступаетъ къ ней съ кулаками. Всѣ замерли, ожидая, что будетъ, какъ вдругъ выступилъ витязь Красикъ. Молодъ и гордъ былъ Красикъ, и стало, что это онъ подвелъ бѣдную дѣвушку на общую потѣху, да и обидно при томъ, что здоровые люди смѣются и потѣшаются надъ уродцемъ. Выступилъ витязь Красикъ и проговорилъ:

— Цари, короли, витязи и славные богатыри, дайте слово вымолвить... Дѣвушка не виновата, что она такою родилась, а вѣдь она такой же человѣкъ, какъ и мы. Это я ее подвелъ на общее посмѣшище и женюсь на ней.

Подошелъ витязъ Красикъ къ Босоножкѣ, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ.

У всѣхъ на глазахъ случилось великое чудо. Босоножка точно распутилась въ рукахъ у витязя, и онъ на рукахъ унесъ ее въ царскій шатеръ, а черезъ часъ вывелъ за руку дѣвушку неописанной красоты.

— Да, это моя дочь!—крикнулъ царь Горохъ.—Она самая...

Спало колдовство съ Босоножки, потому что полюбилъ ее первый красавецъ такую, какою она была.

Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло—въ ротъ не попало.

64

33

25

СВ. Д. Н. МАМИЧЪ - СИБИРЯКЪ
РЪСВАНЪ Н. Д. БАРТРАМЪ
ИЗД. Д. И. ТИХОМИРОВЪ

2007337288